

Э.Б. Вадецкая
Археологические памятники в степях Среднего Енисея.
// Л.: 1986. 180 с.

Глава III. Окуневская культура.

Ниже: список памятников.

История изучения.
Погребальные сооружения.
Погребальный обряд.
Оружие и орудия труда.
Украшения и детали одежды.
Предметы культа.
Хозяйство.
Социальные отношения.
Происхождение.
Хронология.

История изучения этого периода необычна. Культура выделена лишь 20 лет назад, поэтому является самой молодой в минусинской историографии. В то же время относящиеся к ней каменные скульптуры исследуются уже более 250 лет. Культура своеобразна из-за сочетания в ней хозяйственного уклада, обрядов и верований как древних неолитических охотников, так и скотоводов эпохи бронзы. Синкретизм отражён в ярких и разнообразных памятниках искусства, насыщенных религиозной символикой.

^А **История изучения.** Первые могилы были раскопаны у с. Батени в местности Ярки (Ермолаев, 1913 г.; Теплоухов, 1923 г.). Об этом можно судить по найденным сосудам, которые С.А. Теплоухов выделил как особую группу андроновской керамики (305, табл. VII, 1-5, табл. IX, 1-2). Он же указал на сходство этих сосудов с найденными в могильнике под горой Афанасьева, что дало основание говорить о преемственности между андроновским культурным этапом и афанасьевским (305, с. 83). В 1928 г. С.А. Теплоухов раскопал курган близ улуса Окунев с сосудами типа батенёвских. Спустя 20 лет материалы из кургана были опубликованы М.Н. Комаровой, которая, продолжая идею С.А. Теплоухова, выделила небольшую группу памятников, считавшихся андроновскими, в особый окуневский этап (140). В 1945 г. В.П. Левашева раскопала в г. Абакане курган, аналогичный раскопанному в улусе Окунев. Всеми исследователями он был отнесён к раннему этапу андроновской культуры (132, с. 44-46). Однако последующие раскопки на юге Хакасии поставили под сомнение правильность отнесения памятников окуневского типа к андроновской культуре. А.Н. Липский в 5 могильниках обнаружил могилы окуневского типа в разных сочетаниях с афанасьевскими, в том числе в совместных оградах. Были также обнаружены могилы со смешанным инвентарём. В частности, в окуневском кургане близ улуса Чаптыков найдены афанасьевские сосуды. Возникло представление, что окуневский культурный этап относится не к андроновской, а к афанасьевской культуре, её позднему этапу (192). Однако погребённые в окуневских могилах принадлежали иному расовому типу, чем афанасьевцы, и генетические связи обоих типов несомненно различны (16, с. 139). Значит, исторические процессы, происходившие в то время, были значительно сложнее, и окуневский этап нельзя объяснить эволюцией афанасьевской культуры.

В 1962 г. ленинградская экспедиция открыла в зоне Красноярского водохранилища окуневский могильник Черновая VIII. Случайность, связанная с сильнейшей засухой, позволила в выжженной степи приметить еле прослеживаемые ограды. Могильник содержал 14 оград со 114 могилами, и все без какой-либо афанасьевской примеси, но специфический комплекс находок позволил автору раскопок Г.А. Максименкову поставить вопрос об интерпретации окуневского этапа как самостоятельной культуры (216, с. 243-248). Он же сделал попытку объяснить наличие окуневских могил в афанасьевских оградах. К этому времени экспедицией в двух афанасьевских могильниках было обнаружено несколько детских могилок с сосудами окуневского типа (Карасук III, Черновая VI). Они сооружены у края могильного холма основной могилы либо около ограды, видимо, ненамного, но безусловно позже, чем афанасьевские. На основании этих наблюдений Г.А. Максименков предложил и все остальные ранее известные окуневские могилы, расположенные среди афанасьевских, считать впускными (197). Дальнейшие раскопки подтвердили это мнение для северных районов котловины, но оставили спорным — для южных. Кроме Г.А. Максименкова, окуневские могильники раскапывали М.Н. Комарова, М.П. Грязнов, Э.Б. Вадецкая, Л.П. Зяблин, Н.В. Леонтьев, Я.А. Шер, Л.Р. Кызласов и др. Но в других пунктах обнаружены одна или единичное число оград, поэтому материалы могильника Черновая VIII до сих пор остаются основными для исследования окуневской культуры. Г.А. Максименков дал развёрнутую характеристику культуры, определил её историческое место среди родственных культур Сибири и местных, генетически с ней не связан-

(27/28)
ных, поставил вопрос о её происхождении, а также о выделении рангов служителей культа в окуневском обществе (200). В настоящее время уточнены даты западно-сибирских культур окуневского круга и пришедшей к ним на смену андроновской (фёдоровской) культуры. В связи с этим требуется уточнить датировку собственно окуневских памятников, предложенную Г.А. Максименковым. Кроме того, анализ новых неолитических материалов Минусинской котловины ставит вопрос о внутренней хронологии культуры. Наконец, прослежен отчётливый окуневский субстрат в антропологическом типе последующего карасукского населения. Всё это не позволяет, как раньше, считать проблему взаимоотношений окуневских племён с афанасьевскими и андроновскими однозначно решённой.

При изучении окуневской культуры в целом особое внимание было уделено исследованию её искусства. Сотрудниками Красноярской экспедиции были точно скопированы каменные изваяния, стоящие в степях, хранящиеся в музеях, найденные в могилах. Их полная публикация, анализ и интерпретация сделаны автором (63, с. 37-87). Материалы могильника Черновая VIII позволили отнести каменные изваяния, ранее считавшиеся карасукскими, к окуневской культуре. Рисунки животных, выгравированные на плитах, исследованы Н.В. Леонтьевым (63, с. 27-36). Они позволили выявить особый окуневский пласт на многих писаницах, расположенных как в горных районах, так и на Енисее. Теперь изучение окуневского искусства ведётся в плане исследования его эволюции (183). Большинство материалов, собранных Красноярской экспедицией, опубликовано. Особое значение имеет публикация могильника Черновая VIII (63, с. 3-26), составляющего половину всего известного по культуре. Весьма важные материалы содержат могильники Тас-Хазаа и Сыда, пока, к сожалению, не опубликованные.

Источниками изучения культуры являются могильники, отдельные могилы или курганы, десятки писаниц, более двухсот разного рода плит с антропоморфными и зооморфными изображениями. Раскопки произведены в 41 пункте, среди которых одна разрушенная стоянка и 304 могилы. С 1984 г. начато исследование двух новых уникальных сооружений. Близ улуса Малый Спирин И.Л. Кызласовым раскапывается погребально-поминальный комплекс, состоящий из ограды (с 4 могилами), окружённой менгирами. Н.В. Леонтьевым на вершине горы Шишка у д. Быстрая обнаружено оборонительное сооружение. Сохранились стены высотой до 3 м, состоящие из естественных блоков, наращенных кладкой. Площадь сооружения 30×22 м. Собраны черепки сосудов, 3 каменных наконечника стрел, обломок орудия типа мотыги, нуклеусы, отщепы.

Погребальные сооружения. Могильники чаще состоят из 1, реже из 4 курганов. Известен только 1 большой могильник из 14 оград (Черновая VIII). Одна или несколько оград обычно расположены поблизости от афанасьевского кладбища либо на одной площади с ним. Встречены одиночные могилы, находящиеся под насыпями более поздних курганов. Очевидно, они составляют часть разрушенной ограды, а не являются особым вариантом кладбищ. Особую группу представляют могилы, расположенные в афанасьевских оградах. Их все принято рассматривать впускными (197), но расположены они относительно афанасьевских могил по-разному. Выделяются несколько вариантов: окуневские могилы впущены в заплывшие старые афанасьевские могилы (Красный Яр II, Малые Копёны II); сооружены на месте разобранных участков афанасьевских оград (Красный Яр II); врезаны в край надмогильного холма афанасьевской могилы либо пристроены к ещё не развалившейся ограде (Черновая VI, Карасук III, Барсучиха IV); выкопаны внутри афанасьевской ограды, рядом с афанасьевскими могилами, не нарушая последние (Большое Кольцо, Верхний Аскиз); расположены на месте афанасьевской могилы внутри её ограды (Бельтыры, огр. 6; Афанасьева Гора, огр. 8). Наиболее сложно разобраться с могилами, содержащими смешанные материалы (Уйбат-Хулган, Афанасьева Гора, огр. 6, Большое Кольцо, Тас-Хазаа, Карасук VIII). Они обнаружены не одним, а несколькими археологами, и поэтому объяснять смешанные комплексы случайностью, результатом того, что авторы раскопок не разобрались в стратиграфии могил, как это делает Г.А. Максименков (197), видимо, нет основания.

Ограды всегда четырёхугольные, чаще квадратные, сооружены из вкопанных на ребро плит песчаника или сложены из глыб булыжника. Низкие, выс. до 50 см, размером от 2.5×3 до 40×40 м. В некоторых оградах по 1 могиле в центре, в других — 3-15, а в одной — 22 могилы. Прослежена последовательность заполнения оград. Первую могилу выкапывали в центре, следующие — по бокам ограды, самые последние — между развалами насыпей ранних могил (63, с. 8). Для могилы выкапывали небольшую укороченную и неглубокую яму, рассчитанную на одного человека, уложенного на спину с сильно поднятыми вверх коленями, либо на двух человек, тесно прижатых друг к другу. В отличие от афанасьевских просторных ям окуневские были очень тесные — покойник упирался головой и ногами в стенки ямы. Часто стенки ям обставлены большими плитами в виде ящика, а дно выложе-

(28/29)

Рис. 3. Окуневский могильник Сыда V, к. 3, м. 12.
Раскопки М.П. Грязнова (1965 г.).
(Открыть Рис. 3 в новом окне)

но мелкими плитками. Ящики и ямы закрывали плитами и сооружали небольшой холмик из земли и камней. Реже встречаются ямы, покрытые брёвнами и поверх них — плитами. В нескольких случаях плиты над ямами уложены в виде купола, что делает их похожими на афанасьевские.

А Погребальный обряд. Хоронили чаще 1 человека реже совместно женщину с ребёнком, разнополую пару, а также пару с ребёнком. Иногда, позже, в ту же могилу подхоранивали ещё по одному человеку либо новую пару (63, с. 18). Производили захоронения, видимо, главным образом в летний период, поэтому трупы умерших пытались как-то сохранить до погребения. Одним из способов сохранения трупа была посмертная трепанация черепа и извлечение мозга. Черепа с посмертной трепанацией обнаружены в кургане Разлив X. Возможно, что подхоронения производились зимой, когда было трудно соорудить новую могилу. Об умении обрабатывать и сохранять череп близкого покойника свидетельствуют 5 могил, встреченных на разных кладбищах. В них помимо полных скелетов находилось от 3 до 8 человеческих черепов без нижних челюстей. Судя по расположению черепов (рядом с сосудами), их не хоронили, а подкладывали одному из погребённых как реликвию, лично ему принадлежавшую при жизни. В одной могиле человек был похоронен безусловно обезглавленным (48). Детей хоронили вместе со взрослыми, а также в отдельных могилах внутри общей ограды, чаще уже заброшенной. Мёртвого укладывали на спину с сильно согнутыми коленями и вытянутыми руками (рис. 3). Ориентировали по-разному, но чаще головой на З. Погребённые, положенные скорченно на боку, абсолютно единичны. В тех случаях, когда захоранивали двух покойников, их клали параллельно, головой в одну сторону либо «валетом». Женщинам клали сосуды с пищей и орудия труда. Часто под голову подкладывали камень, условно именуемый «подушкой», реже — плиту с выемкой для головы. Объясняется это, видимо, наличием у мертвецов высоких причёсок или головных уборов. Лицо и тело мёртвого, очевидно, раскрашивали охрой путём нанесения поперечных полос. Варианты раскраски прослежены по антропоморфным изображениям, а её следы сохранились на черепах скелетов (63, с. 59). Всех покойников клали в одежде, с большим количеством культовых предметов и амулетов охотничьей магии. Очень своеобразен состав костей животных, найденных в могилах. Мясо мёртвому клали очень редко. Зато обнаружены несъедобные части культовых животных, как диких, так и домашних: 4 кости os penis медведя, 3 черепа журавля (видимо, части масок), черепа выдры, рыси, коровы, лошади. Сохранились кучки из 20 обломков подъязычных костей оленя, из 8 плюсневых и 1 пястной от трёх волков. Часто клали кучки астрагалов косули, реже овцы. На некоторых могильниках обнаружены остатки поминальных тризн. Под г. Минусинском раскопано 11 ям, заполненных черепами и костями животных. Ритуальная яма располагалась в центре ограды в могильнике Малые Копёны III. В ней были плитки, кусочки оплавленной меди и лопатка овцы. Менее вырази-

(29/30)

тельные ямки с костями животных встречались на могильнике Черновая VIII между оградями. Особенно интересный поминальный комплекс, как уже говорилось, раскапывается И.Л. Кызласовым близ улуса Малый Спирин. Здесь погребальная ограда окружена менгирами, которые стояли по кругу диам. 84 м и были вкопаны на расстоянии 9 м друг от друга.

А Оружие и орудия труда. Сохранилась обкладка лука дл. 110,5 см, сделанная из кости благородного оленя, очень похожая на обкладки неолитических луков Ангары. Найдено 4 бронзовых кинжала без черенка, из них 1 вставлен в костяную рукоятку. Собрана коллекция наконечников стрел: 3 костяных и 30 кремнёвых, в основном миндалевидной формы, реже ромбической с закруглённым или прямым основанием, изготовленных двусторонней отжимной ретушью. Наконечники, видимо, застряли в теле трупов, и лишь 12 из них, лежавшие кучкой, очевидно, находились в колчане (Тас-Хазаа, м. 5). Копья представлены двумя экземплярами: одно — бронзовое литое, с удлинённо-ромбическим пером и втулкой, второе — каменное, изготовленное отжимной техникой. Оно имеет треугольное перо и широкий черенок. Совершенно своеобразен небольшой бронзовый проушной топорик. Его рабочая часть не изношена — очевидно, он был боевым или культовым. Предположительно к окуневской культуре относится каменная секира, найденная в афанасьевском могильнике у с. Тесь.

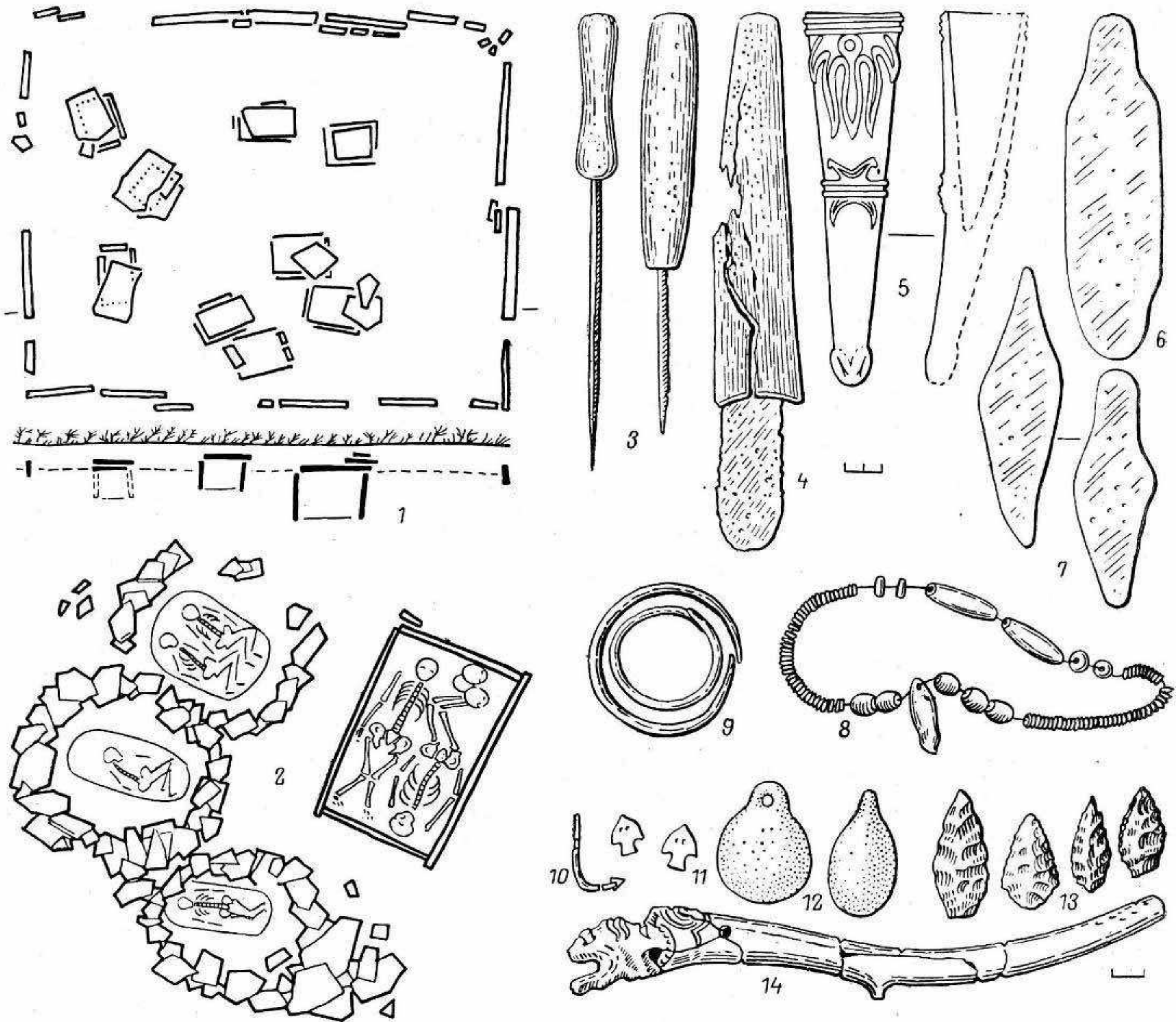

Табл. III. Окуневская культура.

1 — план ограды; 2 — виды могил; 3, 7, 10, 15, 17, 18, 22, 23, 25, 27, 30, 31 — орудия труда; 4, 6, 13, 16, 19, 24, 29 — оружие; 5, 11, 14, 20, 21, 26, 28, 32—34 — ритуальные предметы; 8, 9, 12 — украшения; 35—39 — наскальные изображения; 40—42 — антропоморфные изваяния; 43 — керамика.

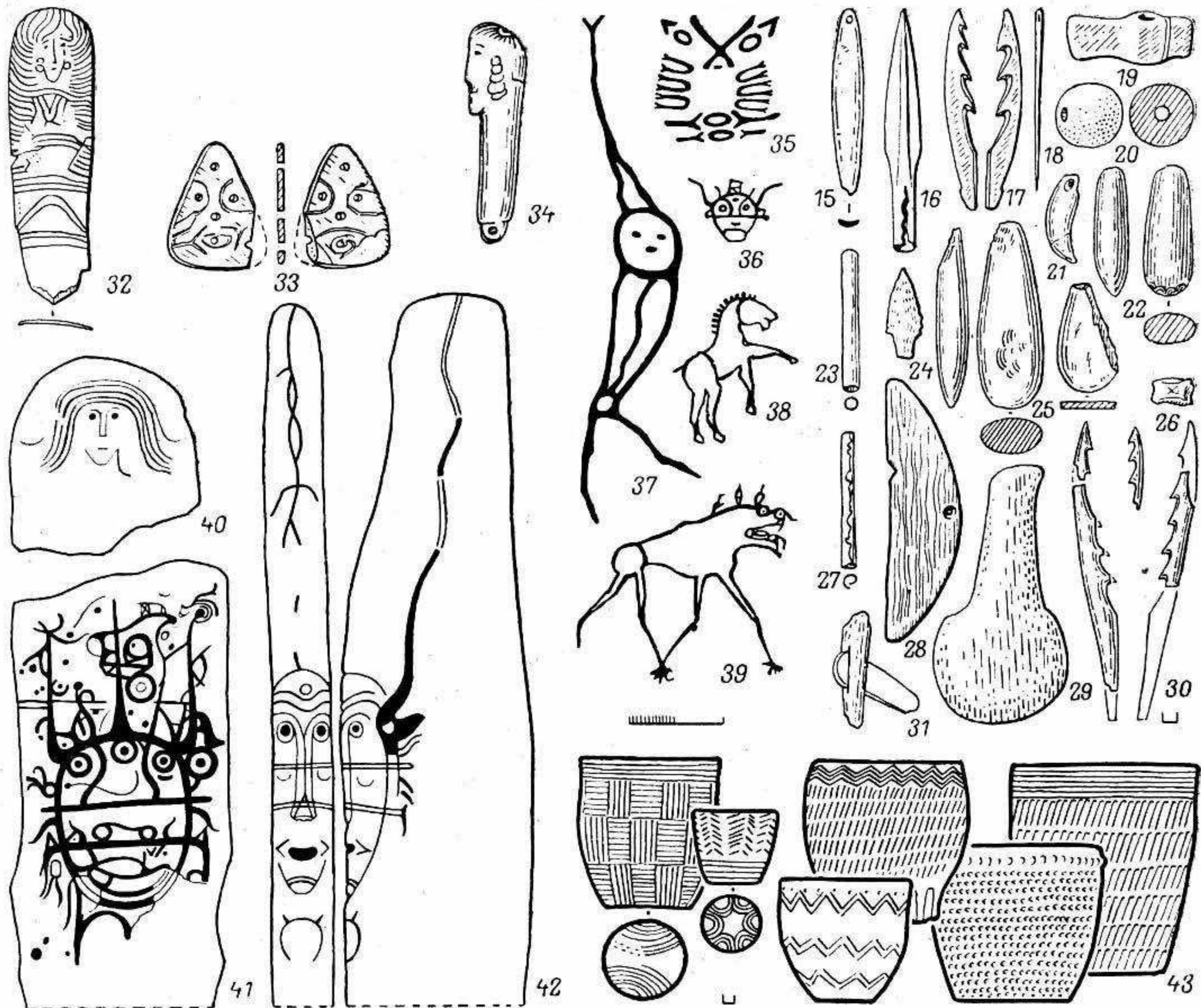

Табл. III (продолжение).

Табл. III. Окуневская культура.

1 — план ограды; 2 — виды могил; 3, 7, 10, 15, 17, 18, 22, 23, 25, 27, 30, 31 — орудия труда; 4, 6, 13, 16, 19, 24, 29 — оружие; 5, 11, 14, 20, 21, 26, 28, 32-34 — ритуальные предметы; 8, 9, 12 — украшения; 35-39 — наскальные изображения; 40-42 — антропоморфные изваяния; 43 — керамика.

(Открыть Табл. III в новом окне)

Табл. III (продолжение).

(Открыть продолжение Табл. III в новом окне)

(Открыть Табл. III в новом окне целиком)

Оружие имеет вид неправильного диска с плоской массивной рукоятью (54, рис. 1, 2, 4) (табл. III, 4, 6, 13, 16, 19, 24, 29).

Каменные орудия представлены несколькими топорами и теслами (табл. III, 22, 25). Из кости сделаны игольники, иглы для шитья и вязания сетей, остроги (табл. III, 23, 18, 15, 17, 30). Игольники изготовлены из трубчатых костей крупных птиц. В некоторых иглах сохранились шерстяные нити. Иглы для вязания сетей представляют собой крупные удлинённо-овальные пластины с закруглённым концом. Подобные известны в китойских и глазковских погребениях Прибайкалья (63, с. 23). Коллекцию металлических изделий составляют ножи, шилья, рыболовный крючок и ещё один тип игольников (табл. III, 7, 3, 10, 27). Ножи плоские, листовидной формы, некоторые с черешком. Вставлялись в торец костяной или деревянной рукоятки, а также под углом к ней. Шилья четырёхгранные, вставлялись в торец костяной или деревянной рукояти (63, табл. XVIII-XXII).

Посуда плоскодонная, баночной формы. Одни банки конические, другие со слабо изогнутым профилем. Единичные сосуды — шестигранные, четырёхгранные и на поддоне. Найдено 6 вазочек-курильниц, которые, в отличие от афанасьевских, имеют внутри чаши «кармашек». Сосуды всегда орнаментированы по всему тулову, а часто и по дну. Орнамент сплошной либо делится на две-три зоны. Нанесён гребенчатым и гладким штампом, прочерками и вдавлениями палочки. Характерны ямки, «жемчужины» по венчику, шахматные узоры, зигзаги. Сплошной орнамент монотонный (табл. III, 43).

А Украшения и детали одежды. Антропоморфные изображения (о них будет сказано ниже) помогают дать реконструкцию некоторых деталей одежды, причёсок, а также определить назначение тех или иных украшений, оставшихся (31/32)

Рис. 4. Антропоморфная миниатюрка из могильника Сыда V (см. рис. 3).
(Открыть Рис. 4 в новом окне)

в могилах. Женщины, очевидно, носили разнообразные причёски из длинных и коротких волос. Распущенные волосы, расчёсанные на прямой пробор, свободно спадали ниже плеч. Иногда их завязывали либо закручивали на макушке, оставляя концы свободно спадающими ниже затылка и даже на плечи. Делали стрижку из коротких волос (до шеи) с чёлкой спереди (63, с. 72). Обязательным украшением были височные кольца и серьги, которые надевали на ушную раковину. Концы колец заострены и заходят один за другой. Их носили от одной до семи с каждой стороны головы (табл. III, 9). Нижняя одежда была шерстяная. Ворот, рукава и подол расшивали каменным разноцветным бисером. Поверх платья надевали нагрудники, видимо, меховые (63, с. 70). Их расшивали резцами сурка, лисицы, стеатитовыми колечками и бисером. Костяные и бронзовые бусины использовались для украшения реже, чем зубы животных. Найдены остатки меховой сумочки, расшитой 40 зубами марала. В трёх могилах сохранились украшения обуви. Кожаные «туфельки» были расшиты зубами соболя. Последние нашиты ровными рядами. На каждой «туфельке» от 70 до 160 зубов, причём зубы не любые, а только правый третий коренной верхней челюсти (143). Для ожерельев и амулетов использовали бусы, бисер, зубы сурка, лисицы, медведя, кабарги, клыки и когти медведя, астрагалы и фаланги косули, лося (табл. III, 8, 21). Одно ожерелье состояло из 13 просверленных челюстей соболя, другое — из 10 копытных фаланг косули, с зубом парнокопытного посередине.

А Предметы культа. Помимо зубов, клыков, костей животных, а также естественных атрибутов охотничьей магии, в могилах много специально изготовленных культовых изделий. Они делятся на три группы. К первой относятся каменные и костяные подвески, без изображения и с изображением: три подвески с изображением головы или фигуры медведя (143, рис. 4, 4), две — птичек (табл. III, 11), одна — с изображением головы лося и медведя (271, рис. 5 [неверная ссылка]), ещё на одной изображена антропоморфная личина (табл. III, 33). Вторую группу составляют каменные стерженьки и костяные овальные пластинки, на верхнем конце которых изображено женское лицо (рис. 4). Миниатюрки являлись, видимо, частью мягких куколок-божков и, видимо, служили амулетами плодородия. Их клали в могилы девочек (63, табл. XXIV) (табл. III, 32, 34). Остальные изделия были предназначены для ритуальных церемоний: костяной жезл со скульптурной головкой медведя, пожирающего барана, сосуд из рога (ритон) с рельефным стилизованным изображением рогов быка, крупные каменные луновидные диски с отверстием (луницы), птичьи маски. Неясен смысл мраморных шаров диаметром 2-6 см. Они бывают с просверленным отверстием и без отверстия. Могли служить навершием булавы, крепиться на ремень или шнур. А.Н. Липский

предполагал, что они подвешивались к косам женщин и мужчин (192, с. 272). Возможно, что шары использовались в разных целях (табл. III, 14, 5, 28, 20).

В 7 могильниках часть плит, использованных для стенок или покрытия ящиков-гробов, ранее стояли на капищах. На них нарисованы охрой, а чаще высечены человеческие личины и фантастические хищники, выгравированы и процарапаны фигуры преимущественно крупного рогатого скота, реже — других животных (лошадь, собака, лось, ворон), а также фигурки пляшущих людей в ритуальных костюмах (в высоких головных уборах, с «лучами» и «рогами», в звериных и птичьих масках), охотников с луками, «рожениц» и т.д. Фигуры животных и людей нанесены поверх личин уже

(32/33)

тогда, когда культовые камни с личинами и хищниками вышли из употребления. Часть рисунков, очевидно, бытового характера, другие нанесены с магическими целями для проведения того или иного обряда (38; 63, с. 34). Многие изображения на плитах по сюжету и стилю находят аналогии среди трёх категорий памятников: культовых предметов из погребений, петроглифов на скалах и, главное, монументальных каменных изваяний, группами или поодиночке стоящих в степи. Анализ всех памятников (кроме петроглифов) позволил автору в специальной работе отнести «степных» идолов к той же окуневской культуре (63, с. 39-56). Идолы изучаются, возбуждая глубочайший интерес со времён Д.Г. Мессершмидта. Представления о том, к какой эпохе они относятся, изменялись неоднократно. Долгое время они определялись карасукской эпохой по сходству зооморфных изображений на стелах с карасукскими бронзами. Минусинским изваяниям посвящено множество работ и, как уже говорилось, специальное исследование (63, с. 37-87). Это были не надгробные, а культовые памятники. С ними связаны жертвоприношения, остатки от которых (череп и кости баранов) находят в основании монументов или в ямках вокруг них. Изготавливали много культовых изображений и из разного камня; в зависимости от характера последнего они рельефные или плоскостные. Массивные гранитные и песчаниковые скульптуры сохранились до наших дней, несмотря на то, что их неоднократно в дальнейшем использовали для сооружения курганов. Плоские хрупкие плиты с изображениями очень быстро ломались, поэтому можно предположить, что окуневцы изготавливали их не для длительного пользования, а лишь для определённых событий. Часть этих плит до нас дошла только потому, что они были в качестве строительного материала «захоронены» в могилах. В камне воплощены родовые окуневские божества, видимо, женского пола. По сюжету они условно разделяются на три группы. Условность эта объясняется малым числом сохранившихся изображений и большим количеством стёршихся и потому «не читаемых». К первой группе божеств относятся немногочисленные двуглазые личины с одной полосой поперёк лица и лучами-волосами на голове. Их иногда называют «солнечными божествами». Вторую группу составляют единичные реалистические человеческие лица (табл. III, 40). Третья группа самая многочисленная. Это трёхглазые личины с несколькими полосами поперек лица, со сложными звериноподобными головными уборами, разделяющимися змеевидной лентой. Уборы различаются сюжетами и схематичностью изображения, в результате чего многие приобретают вид причудливых «корон». Самые оригинальные стелы увенчаны скульптурой головы барана, а под личиной на них высечены морды хищников, солярные знаки и иные элементы нагрудников. Предположительно эта группа изваяний интерпретируется как изображение прародительниц в образе женщины и зверя (82) либо колдунов в костюме (маске, головном уборе, нагруднике), похожем на шаманский (63, с. 72-78; 183) (табл. III, 41, 42).

Резные мелкие рисунки на плитах и писаницах отличаются реализмом и динамичностью изображения. Они либо процарапаны острым резцом, либо выбиты точками, но в обоих случаях линии фигур дополнительно прошлифованы осколками песчаника (63, с. 32). Сюжеты на писаницах те же: дикие и домашние животные, человеческие личины, люди в ритуальных костюмах и масках (птица, дракон), фантастические хищники (табл. III, 35-39).

Корни окуневского искусства уходят вглубь лесного сибирского неолита. Об этом свидетельствуют зооморфные сюжеты, в том числе образы лесных зверей и приёмы изготовления скульптур, перенесённые на камень с деревянных изделий (200, с. 37). В свою очередь, окуневское искусство, видимо, явилось генетическим предшественником местных карасукского и тагарского. В связи с этим встают вопросы о продолжительности существования окуневского искусства, его эволюции и о варианте, в котором это искусство доживает до карасукской эпохи. Пока эти вопросы остаются открытыми. Вполне вероятно очень постепенная схематизация окуневского стиля, так как в могилах одновременно найдены реалистические и схематичные миниатюры, а на рисунках стел в единую композицию включены разные стилистические группы личин.

А Хозяйство. Ни в одной культуре Минусинских степей роль охоты не выражена так отчётливо, как у окуневцев. Об этом свидетельствуют многочисленные амулеты, ожерелья и украшения нагрудников, сделанные из зубов животных. Все костяные изделия изготавливались из костей лося, оленя, косули, птиц. Совершались ритуальные захоронения частей диких животных. Судя по остеологическим остаткам, промысловыми животными у окуневцев являлись медведь, волк, лось, косуля, марал, кабарга, соболь, лиса, сурок, выдра, рысь. На культовых изделиях изображены медведь, волк, лось, олень. Особенно ярко выступает культ медведя, клыки и когти которого являлись амулетами, а органы размножения его собирали и захоранивали. Изображения медведя помещали на церемониальных предметах (жезл), обрядовом костюме божеств, воплощали в отдельных монументальных скульптурах и мелкой пластике (подвески). (33/34)

Спорово-пыльцевой анализ образцов, взятых из курганов, показал, что естественные условия степей мало отличались от современных (200, с. 35). Значит, для охоты приходилось уходить на довольно значительные расстояния в лесные и таёжные предгорья, ибо роль охотничьих традиций была велика.

Интенсивная охота сочеталась с не менее интенсивным скотоводством. В самих могилах редко встречаются кости домашних животных: коровы, овцы, лошади. Зато они, так же как кости косули, найдены на поселении (Кадат VI). В культовых ямах под г. Минусинском были захоронены шкуры (с головами и ногами) быка, барана, лошади. Черепа барана лежали в основании некоторых культовых стел. Антропоморфные божества, высеченные на этих стелах, часто снабжены рогами, по всей вероятности, коров и волов (63, с. 33), а среди бытовых рисунков на плитах и писаницах также преобладают фигуры крупного рогатого скота. Всё это говорит о широком развитии скотоводства, в котором преобладал крупный рогатый скот.

Судя по изображениям на двух стелах, окуневцы имели двухосные и одноосные повозки, в которые впрягали быков (185). Видимо, окуневцы-охотники, расселившись по степям, заимствовали скотоводство у афанасьевцев и постепенно превратились в скотоводов. Очевидно, у тех же афанасьевцев ими был заимствован колёсный транспорт, появившийся в Сибири с их приходом.

Значительным подспорьем в хозяйстве было рыболовство, что объясняет находки острог, рыболовных крючков, игл для вязания сетей. Свидетельств наличия земледелия не имеется, кроме обломка орудия типа мотыги. Но и оно было найдено внутри оборонительного сооружения и, видимо, имело иное назначение. Наряду с металлическими продолжали бытовать каменные изделия, ножевидные пластинки, скребки для обработки шкур и т.д. (Кадат VI).

^А **Социальные отношения.** Демографический анализ произведён по материалам двух могильников (Черновая VIII, Сыда V), судя по которым, половину населения составляли дети; стариков было мало. Как и ранее, наблюдается большая смертность детей в младенческом возрасте и повышенная — молодых женщин, вступавших в брак в 12-14 лет. Значительное число парных погребений говорит о постепенном укреплении индивидуальной парной семьи (200, с. 34). В могильнике Черновая VIII выделены три разновидности могильных оград. В одни, уже заполненные взрослым населением, только прихоранивали детей, другие функционировали одновременно с третьими — новыми, строящимися. Значит, 14 оград могильника вместо обычных одной-четырёх объясняются не только длительным функционированием кладбища, но и тем, что в разных оградах хоронили какой-то определённый микроколлектив (63, с. 18). Имущественной дифференциации среди погребённых не прослеживается, но выделяются мужские погребения с набором вещей, предназначенных для исполнения обрядов. Так, в могильнике Черновая VIII в области пояса мужчины в мешке или сумке находились жезл и «ритон» из рога, остов вкладышевого ножа, луница, крупный каменный шар, череп журавля-красавки. В той же могиле найдены пестик для растирания охры и 2 каменные плиты, на которых растирали краску или смешивали её с жиром, для раскраски тела (63, с. 24-25). Часть маски (клюв журавля) и рукоять вкладышевого ножа оказались среди набора вещей центрального мужского погребения в Черёмушном Логу. В могиле у ст. Усть-Бюрь, видимо, к поясу или нагруднику мужчины была подвешена луница с двумя отверстиями, а в ноги положены в мешке или сумке сланцевый нож, 8 одинаковых ритуальных костей диких животных и клык медведя (173 [ошибка, надо 171]). Особенно примечательна каменная гробница в кургане Тас-Хазаа. Она отличается от остальных своей конструкцией: её стенки сложены из булыжника и плит, а сама яма покрыта брёвнами и массивными плитами. В гробнице захоронен мужчина с двумя женщинами и младенцем. Последним положены обычные вещи, что же касается мужчины, то, помимо ножа и шила, в его ногах лежали крупный просверленный шар, бронзовый литой топорик, остатки мяса коровы и овцы, курильница. Поскольку топорик, как уже говорилось, не был в работе, он, видимо, олицетворял символ власти. Курильница окрашена и орнаментирована соляными символами (концентрическими кругами). Следы закопченности внутри чаши позволяют считать, что она служила для воскурений ароматических веществ, которые помещали в неглубокое боковое отделение. В других могилах вазочки-курильницы стояли в головах погребённого и имели иное назначение — служили для размешивания жира с охрой либо символизировали источник света. Во всех упомянутых мужских могилах, видимо, похоронены служители культа. Исходя из анализа окуневского искусства, можно полагать, что окуневцы поклонялись диким и домашним животным, змее, солнцу, прародительнице, умершим колдунам. Служители культа, очевидно, составляли значительную категорию среди населения. Но если родовые божества олицетворяли женщин или ряженных под женщин, то исправляли культовые церемонии, видимо, мужчины.

Происхождение. Можно считать доказанным, что окуневская культура генетически не связана с афанасьевской. Окуневское население относилось к иному, чем афанасьевское, физическому типу. Оно имело некоторую долю монголоидной примеси (18, с. 35). На различие этих культур уже неоднократно обращалось внимание (200, с. 12), что избавляет нас от необходимости вновь останавливаться на данном вопросе. Тем не менее нельзя отрицать, что в некоторых деталях обряда и керамики улавливается определённое сходство. Центральные афанасьевские ямы не имеют ничего общего с окуневскими, зато дополнительные, сооружённые между оградой и центральной ямой, похожи формой, размерами, покрытием, особенно когда над окуневской ямой возводилось каменное куполообразное сооружение, так же как над афанасьевской. Не тождественна, но близка поза покойников, положение не только ног, но и рук. Дети похоронены не только вместе со взрослыми, но и на специально отведённых местах кладбища: у афанасьевцев — около ограды с большими могилами, у окуневцев — внутри афанасьевских либо уже недействующих собственных оград. Любопытно, что детские погребения в обеих культурах иногда впущены в надмогильные холмики взрослого населения. Приёмы изготовления керамики, форма сосудов и орнаментация сильно различаются, если сопоставлять стандартные афанасьевские сосуды с окуневскими. При сопоставлении же оригинальных афанасьевских горшков с окуневскими, особенно с уплощённым дном, расхождения между ними сглаживаются за счёт общих мотивов орнамента, его зональности, нанесения по всей поверхности, включая дно. Общими орнаментами являются горизонтальные желобки, шахматный узор, зигзагообразные узоры, нанесённые зубчатым штампом (см. табл. X). Особенно похожи курильницы, имеющие одинаковые размеры, пропорции чаш и поддонов, толщину стенок, близкую культовую семантику. Нет сомнения, что афанасьевские курильницы послужили прототипами окуневских. Последние, однако, отличаются от ранних, как говорилось, одной деталью — боковым отделением, но оно, очевидно, появляется у сибирских курильниц, как и у западных катакомбных, в процессе эволюции формы данного изделия. При отсутствии генетической близости сходство между ритуальными сосудами и мотивами орнамента на отдельных сосудах, очевидно, объясняется контактом между культурами, а точнее — сосуществованием их носителей. С этой точки зрения интересны афанасьевско-окуневские кладбища, на которых афанасьевские и окуневские могилы расположены внутри общих оград; окуневские детские могилки помещены у стенки ограды вместо афанасьевских, и, наконец, афанасьевские материалы встречены в окуневских могилах (Тас-Хазаа, Карасук VIII) и, наоборот, окуневские — в афанасьевских (Афанасьева Гора, м. 6, 8). Очевидно, среди этих могил есть одновременные, и частое использование окуневцами афанасьевских кладбищ представляется не случайным. Возможно, некоторые посёлки состояли из представителей разнокультурных племён, хоронивших своих родственников каждый по-своему. Постепенно жившие в этих посёлках афанасьевцы восприняли окуневскую культуру. В археологическом материале это явление отражено в окуневских могильниках, в которых похоронены люди афанасьевского антропологического типа. Первый из них — могильник Аймырлыг в Туве, черепа из которого сходны с сериями черепов афанасьевской культуры Минусинской котловины и Алтая, хотя и отличаются от них четко выраженной долихокранией и более высоким лицом (77, с. 28). Второй могильник расположен на севере Минусинской котловины, в Шарыповском районе. Здесь нами исследованы 2 разрушенных ящика окуневской конструкции. Под головы мертвецов положены камни. Состав погребённых — взрослый с ребёнком и двое взрослых с ребёнком — характерен для окуневцев. Найдены окуневский сосуд и 18 астрагалов косули. Однако, по определению М.П. Грязнова, физический тип погребённых более близок к афанасьевскому, чем к окуневскому. Нет сомнения, что при дифференцированном подходе и в других могильниках, особенно на юге, будут обнаружены афанасьевцы среди окуневцев, и наоборот. Таким образом, можно наблюдать процесс взаимоассимиляции.

Соседство и совместная жизнь афанасьевцев-скотоводов и окуневцев-охотников изменили хозяйственный уклад последних, но, возможно, этим участие афанасьевцев в сложении окуневской культуры ограничилось. Что же касается изначального происхождения культуры, то оно, с одной стороны, достаточно чётко фиксируется истоками окуневского искусства, а с другой — определяется окружением близких родственных культур. Как уже говорилось, древний пласт искусства составляют образы лесных животных, а приёмы изготовления скульптур указывают на таёжные районы возникновения этого вида памятников (200, с. 37). Местная доафанасьевская керамика карасёвского типа имеет сходство как с окуневской, так и с неолитической и энеолитической Западной Сибири и района Красноярска. Очевидно, неолитическая культурная общность явилась единой основой для окуневской и родственных ей культур. Памятники, теми или иными чертами близкие к окуневским, извест-

(35/36)
ны от Прибайкалья (глазковская культура) до Восточного Казахстана. Наибольшая близость прослеживается с западно-сибирскими комплексами, т.е. с самусьскими, ростовкинскими и особенно кротовскими. Это проявляется в аналогичных изделиях, общих религиозных представлениях и керамике. В Западной Сибири находим самые оригинальные черты окуневского культа, выраженного в своеобразных захоронениях одних черепов либо трупов без головы, оригинальных культовых луновидных подвесках, каменных шарах, антропоморфных и зооморфных образах «божеств». Сходство керамики проявляется в форме сосудов, расположении орнамента, орнаментации дна. Сосуды более или менее похожи, но каждый из сосудов самусьско-кротовской общности, оказавшись он на Енисее, был бы археологами принят за окуневский. Возможно, что круг родственных сибирских культур (судя по керамике и религиозным представлениям) очерчивает пласт протосамодийского населения Сибири. Применительно к окуневцам это предположение основывается и на некоторых других археолого-этнографических сопоставлениях (59). Решить вопрос о том, с каких таёжных мест пришло новое население, мешает неисследованность лесных предгорий, окружавших Минусинскую котловину; вероятнее всего, — с Приобья либо местных лесных гор.

^А **Хронология.** Собственных дат культура не имеет и, вероятно, существовала дольше или меньше в разных районах Минусинской котловины. Для нижней даты культуры могут быть в той или иной степени использованы радиоуглеродные даты трёх афанасьевских могильников с впускными окуневскими могилами. В одном из них между афанасьевскими и окуневскими сооружениями фиксируется значительный хронологический разрыв, так как окуневские ящики впущены в провалившиеся надмогильные насыпи и заплывшие ямы. Дата могильника — XXII в. до н.э. (Красный Яр I) (52). Видимо, в это время окуневцев ещё не было. В двух других могильниках относительно синхронно захоронены афанасьевские и окуневские младенцы: в тех же местах неразвалившейся ограды или надмогильного холма, на одинаковой глубине. Очевидно, эти ограды использовались для подхоранивания младенцев обеих культур. Даты могильников — 1750±80 лет до н.э. (Черновая VI) и 1520±200 лет до н.э. (Карасук III, к. 7). Следовательно, в XVIII-XVII вв. до н.э. можно предполагать стык афанасьевской и окуневской культур. Верхняя граница культуры зависит от времени появления андроновцев (фёдоровцев) на Енисее. Косвенно об этом свидетельствуют 3 андроновские могилы, закрытые хрупкими окуневскими стелами, взятыми, очевидно, с действующего капища (могильники Сухое Озеро I, Солёноозёрная I, Устье Бири). По современным представлениям, андроновцы (фёдоровцы) появились в Западной Сибири и соответственно на Енисее не ранее XIII в. до н.э. (149, с. 131). Однако указанные хронологические рамки окуневской культуры (XVIII-XIII вв. до н.э.) касаются тех районов, где позже расселились андроновцы, вытеснившие окуневцев. В южной половине котловины окуневцы продолжали жить, видимо, вплоть до карасукской эпохи.

Предложенная датировка окуневской культуры для северной половины котловины совпадает с датами родственных ей культур. Хронологические границы самусьской культурной общности укладываются между XVI-XIII вв. до н.э., а с учётом раннего (игрековского) этапа протосамусьской общности — углубляются в XVIII-XVII вв. до н.э. (149). Наиболее точно датируется кротовская культура на основании серии стратиграфических наблюдений и методом перекрёстной датировки сейминско-турбинских бронз и состава бронзового материала могильника Сопка. Границы этой культуры определяются 1-й половиной II тыс. — XIII в. до н.э. (224, с. 16).

Своеобразие хозяйства окуневцев (охотников-скотоводов) ставит вопрос о внутренней периодизации культуры, но малочисленность и разнообразие могильников пока позволяют лишь наметить её возможную эволюцию. Отличительными признаками ранней группы памятников являются захоронения в ямах под куполообразным покрытием, амулеты в виде фигурок медведя, большое число украшений из зубов хищников, примитивный орнамент на уплощённых сосудах (Карасук VIII, Новосёлово, Тас-Хазаа, Тибик, Уйбат). Развитый период культуры, очевидно, отражают кладбища, состоящие из нескольких оград, в которых практически нет грунтовых ям, а одни ящики. В них сравнительно мало украшений из зубов животных, по много каменного бисера. Керамика богато орнаментирована, есть кости домашних животных, антропоморфные изображения классического типа, а на плитах — изображения домашних животных (Черновая VIII, Сыда V, Лебяжье). К промежуточному периоду, видимо, можно отнести одиночные ограды с разным типом могил. В них сочетаются особенности ранней и классической групп.

[Список памятников.] [^]

Назаровская котловина.

1. Кадат VI. Стоянка на сев. берегу оз. Кадат. Площ. раскопа 320 м² (Курочкин, 1981 г.). Культурный слой толщ. 30-35 см содержал черепки сосудов, топор, кремнёвые орудия с пильчатой ретушью, скребки, нуклеус, нако-

ничник стрелы, костяную проколку, кости косули, коровы, овцы, лошади. — ЛОИА (159).

2. Синючиха. 2 ящика на прав. берегу р. Кадат в уроч. Синючиха (Вадецкая, 1982 г.). В одном скелеты двух взрослых и ребёнка, в другом скелет взрослого и впускное погребение ребёнка. [1] Инвентарь: сосуд, 18 астрагалов косули — ЛОИА.

Чулымо-Енисейская котловина.

3. Парная. Могильник у сев. стороны оз. Большое у д. Парная. 3 ящика, 120-130×50-70×40-65 см (Савинов, 1975 г.). В одном скелет женщины и младенца, в других по мужскому и женскому скелету, СВ. Инвентарь: 3 сосуда, костяной нож, проколка, пластинка с изображением головы лося и медведя, 6 подвесок из зубов медведя. Кости овцы. — ИИФФ (274).

4. Пристань I. Могила на лев. берегу Енисея, в 1.5 км к В от бывш. с. Новосёлово. Защищено дно ямы в обрыве (Комарова, 1962 г.). На глуб. 100 см кости мужчины и ребёнка. На стопах взрослого 68 зубов соболя. Подъёмный материал: черепки двух сосудов, точило, наконечник стрелы, часть остроги, 2 орудия из метоподий [метоподий] оленя или лося, бронзовый нож, обломок кольца, подвески из клыка и трёх зубов медведя. — ГЭ (143).

5. Черновая VIII. Могильник в долине р. Черновая, в 1.5 км от лев. берега Енисея. 14 оград, 114 могил (Максименков, 1962-1963 гг.). Ограды, 5-15×5.5-13 м, в них до 22 могил: 12 грунтовых, остальные — ящики, 120-180×50-90×30-80 см. В них находились одновременные и разновременные захоронения: одиночные, парные, женщины с ребёнком и парные с ребёнком. В двух могилах со скелетом взрослого лежало 4 и 7 черепов. Встречены скелеты без черепов, у других под головами «подушки». На нескольких черепах следы охры. Среди плит, из которых сооружены ящики, есть с антропоморфными и зооморфными изображениями. [2] Инвентарь: 40 сосудов, 2 топора, пестик, тёрочка, брусок, 3 остроги, остов вкладышевого ножа, рыболовный крючок, 2 бронзовых кинжала, 9 ножей, 4 кремнёвых наконечника стрел, костяное шило и 7 бронзовых, 2 иглы для вязания сетей, 4 бронзовых и 6 костяных игольников, костяные иглы, культовые предметы и украшения: 2 шара, луница, «жезл», «ритон», 15 антропоморфных миниатюрных изображений, фигурная галька, плитки для растирания охры, 2 черепа журавля, астрагалы косули, овцы, 11 височных колец, каменные бусины и бисер, клыки и зубы медведя, лисицы, сурка. — ГЭ (63, с. 3-33).

6. Черновая IV. Ограда на лев. берегу Енисея (Максименков, 1963 г.). В ней 4 ящика, 120-160×60-120×40-60 см. В одном скелет взрослого, в остальных по 2 взрослых и ребёнка. Инвентарь: 4 сосуда, обломок курильницы. — ГЭ (63, с. 35-36).

7. Черновая VI. 2 ящика в афанасьевских оградах (Максименков, 1962 г.). В них скелеты младенцев и 2 сосуда. — ГЭ (197).

8. Барсучиха IV. Могила в афанасьевской ограде, у подножия горы Барсучиха (Грязнов, 1967 г.). Яма, 150×90×140 см. В ней скелет мужчины, ЮЗ. На черепе следы охры. Инвентарь: сосуд, бронзовый нож, шило, каменный шар. — ГЭ (86).

9. Разлив X. Ограда на Сарагашенском увале, у пос. Разлив (Пшеницына, 1973-1974 гг.). 8 больших ящиков, 150-195×65-105×50 см, и 3 детских, 30-70×30-35 см. 8 больших — 2-12 скелетов взрослых и детей. Некоторые черепа трепанированы. На плитах — антропоморфные и зооморфные изображения. Инвентарь: сосуд, наконечник стрелы, костяной игольник, амулет из рога лося, каменная и 2 костяные антропоморфные фигурки. Кости коровы. — ГЭ (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1973, д. 405, л. 12-16; 1974, д. 408, л. 16-18; ИА, р-1, д. 5078, 5437).

10. Карасук II. Ограда на прав. берегу р. Карасук (Комарова, 1958 г.). Сложена из глыб песчаника, 12.3×12.7 м. От углов к центру выложены диагональные кладки. В центре — яма под куполообразным сооружением, 200×120×80 см. В ней скелет женщины, ЮЗ. Инвентарь: 2 сосуда, 2 роговых острия, каменная подвеска, 4 шарика, 3 костяные подвески с изображениями головы или фигуры медведя, бусина, стерженек, 53 подвески из клыков марала и около 360 зубов соболя, украшающих обувь и «сумочку», эпифизы метоподий косули, овцы, 2 комочка охры. — ГЭ (143).

11. Карасук III. 2 могилы в афанасьевской ограде на прав. берегу р. Карасук (Комарова, 1961 г.). В них скелеты младенцев и 2 сосуда. — ГЭ (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1961, д. 65, л. 17; ИА, р-1, д. 2483).
12. Карасук VIII. Ограда на лев. берегу р. Карасук, напротив Карасук II (Комарова, 1962 г.). Сложена из вертикально врытых плит, 10.5×10.5 м. От углов к центру выложены диагональные кладки. В ней яма, 290×230×120 см, СВ-ЮЗ, под куполообразным сооружением. В ней кости 2 мужчин и 2 детей. Инвентарь: окуневский сосуд, черепки (37/38) афанасьевского сосуда, костяной игольник. — ГЭ (143).
13. Афанасьева Гора. 2 могилы среди афанасьевских под горой Афанасьева (Теплоухов, 1921 г., огр. 6, 8). Инвентарь: 2 сосуда, 4 терки, наконечник стрелы, костяной игольник, игла, шило. — МАЭС (305, с. 67).
14. Ярки III. 3 ящика на лев. берегу Енисея, у с. Батени (Ермолаев, 1913 г.; Теплоухов, 1923 г.). В них по 1 скелету. Инвентарь: 3 сосуда, берестяное и 2 бронзовых кольца. — КМ, ГЭ (ЛОИА, ф. 2, оп. 1, 1926, д. 122, л. 8).
15. Подгорное Озеро. * 3 могилы в 0.4 км от сев. берега оз. Подгорное, на дне котлована выдува (Максименков, 1965 г.). Ямы, одна под каменной вымосткой. В двух — дети, без вещей, в третьей — скелет взрослого, вытянут на спине, ССЗ. У левой руки костяная проколка, а слева от таза — кремнёвый наконечник стрелы. Скелет окрашен охрой. Подъёмный материал в 150 м от могилы: скребки, отщепы, нуклеусы, обломки сосуда окуневского типа. — ЛОИА (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1965, д. 70, л. 3; ИА, р-1, д. 3166).

Сыда-Ербинская котловина.

16. Малые Копёны II. 2 ящика в афанасьевской ограде (Евтюхова, 1940 г.). Один нарушил основную могилу, куда попали окуневские вещи: ожерелье из зубов хищника, костяные бусины, подвеска с орнаментом. — ГИМ (133, с. 42).
17. Малые Копёны III. Ограда, 15×14.3 м, и уроч. М.Копёны (Зяблин, 1964 г.). В ней 6 больших ящиков, 140-180×75-95×50-105 см, и 4 детских, 70-100×35-50×35-40 см. В них 1-2 скелета. В трёх ящиках к взрослым подхоронено по ребёнку. Под двумя черепами — «подушки». Инвентарь: 2 сосуда, 2 кремнёвых и 2 костяных наконечника стрел, игла, 2 низки каменных бус. В центре ограды ритуальная яма. — ГИМ (117).
18. Черёмушный Лог. Ограда в 4 км к Ю от д. Байкалова, на прав. берегу Енисея (Шер, 1963 г.). В ней 11 ящиков и яма, 120-210×70-80×30-70 см. В них похоронено 14 взрослых и детей, 1 вытянут на спине. Инвентарь: 4 сосуда, брусок, 2 каменных топорика, долото, 2 тесла, пест, костяной наконечник стрелы, шило, игла, подвески из подъязычных костей оленя и зубов соболя, сурка, медведя; раковины, кости волка, медведя, клюв журавля, каменная бусина. Яма (м. 7) автором раскопок отнесена к неолиту, но вещи, тип погребённого и расположение могилы характерны для окуневской культуры. — ГЭ (310; ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1963, д. 143, л. 3-6; ИА, р-1, д. 2743).
19. Черёмушный Лог III. Могила на противоположной стороне того же лога (Шер, 1967 г.). Ящик, 110×60×55 см, 3-В, со скелетом ребёнка. Инвентарь: сосуд, обломок ножа, костяной игольник, 2 бусины, подвески из клыков животных, 176 резцов сурка. К стенке ящика пристроен второй, 60×50×35 см. В нём — угольки. — ГЭ (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1967, д. 115, л. 13; ИА, р-1, д. 3525).
20. Сыда V. Могильник на прав. берегу р. Сыда, в бывш. с. Сыда. 4 ограды, 45 могил (Грязнов, 1965 г.). Ограды, 6-11×6-12 м. В них 5-22 могилы. Ящики, 100×50-90×40-70 см. В них 1-8 скелетов. В одном к 4 погребённым положено 5 черепов. Инвентарь: 16 сосудов, 2 ножа, шило, 2 игольника, игла, бронзовые, пастовые и костяная бусины, обломок височного кольца, каменные подвеска и антропоморфная фигурка, астрагалы овцы. Черепа комолой коровы, лошади, выдры и кость журавля. — ГЭ (ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1965, д. 132, л. 62-86; ИА, р-1, д. 3200).

Минусинская котловина.

21. Лебяжье. Могильник на лев. берегу р. Биря, у с. Лебяжье. Ограда, 9×9 м, с 9 ящиками и 3 отдельных ящика (Максименков, 1973 г.; Вадецкая, 1975 г.). Из разрушенных оград собраны вещи и 22 обломка плит с изображениями (Сунчугашев, 1971 г.; Леонтьев, 1972 г.). В ящиках 1-3 скелета. В одном к 2 погребённым положены 3 черепа. На одном черепе следы охры. Инвентарь: 33 сосуда, 4 ножа, 3 кремнёвых наконечника стрелы, пест, костяной игольник, проколка, шило, украшения из когтей и клыков медведя, зубов марала, сурка, соболя, фаланг косули, череп рыси. — ИИФФ, ММ, КМ (300; 204; ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1975, кп 1949, л. 4-5; ИА, р-1, д. 6033).

22. Тепсей VIII. Ящик, 150×70×70 см, на прав. берегу Енисея, под горой Тепсей (Грязнов, 1968 г.). В нём скелет женщины. Инвентарь: сосуд, бронзовое шило, костяной игольник с иглой, 96 каменных бусин, клык хищника. — ГЭ (145, с. 27-28).

23. Моисеиха. Могильник на лев. берегу р. Туба, где афанасьевский и тагарский могильники. 4 ограды, 4 могилы (Старущенко, 1959 г.). В них по скелету. Инвентарь: 4 сосуда, 2 бронзовых шила (одно с костяной ручкой), копье, 2 ножа, каменный наконечник копья, шар, костяная поделка. — ММ (ММ, оп. 1, д. 509-А; ИА, р-1, д. 2211).

24. Красный Яр II. Могильник под южн. склоном горы Оглахты, где афанасьевский могильник. 9 могил, из них 5 впущены в афанасьевские ограды или могилы (Вадецкая, 1972 г.). Ящики и ямы, 110-170×70-115×30-90 см. В них 1-4 скелета, один скорчен на боку. Инвентарь: 6 сосудов, бронзовый кинжал с костяной рукоятью, костяная обкладка лука, 2 кремнёвых наконечника стрелы, 2 ножа, 2 шила с костяной ручкой, обломок шила. 3 костяные проколки, 3 трубочки и игольник с иглой, бисер, каменная подвеска, 3 височных кольца. — КМ (52; ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1972, д. 396-Б; ИА, р-1, д. 5568).

25. Абакан. Ограда, 10×9.5 м, на площади в г. Абакане (Левашева, 1945 г.). В ней 9 ящиков, до 130×65-50×30-50 см. 17 погребённых. К одному из них положены 3 черепа. Инвентарь: 5 сосудов, бронзовый игольник с иглой, кремнёвый наконечник стрелы, 2 костяные антропоморфные фигурки, серьги, пастовые бусины, резцы бобра. — АМ (177).

26. Абаканская Управа. 2 ящика, 150-210×50-100×40-80 см, под насыпью тагарского кургана, на территории г. Абакана (Адрианов, 1898 г.). В них скелеты 4 взрослых и ребёнка. Инвентарь: 2 сосуда, нож, костяная острога, игольник. — ГИМ (6, с. 75-76).

27. Минусинск. Могильник и культовое место на южн. окраине г. Минусинска. 5 ящиков, 11 ям и оградка (Леонтьев, 1978 г.). В ящиках по скелету. Инвентарь: сосуд, каменный бисер, астрагалы овцы. Ямы, глуб. до 70 см, заполнены отбойниками, черепами и костями ног быков, овец, лошади, обломками костей животных и камней. Среди них наконечник стрелы и бусина. В оградке собраны обломки сосуда, каменный нож, отбойник, кости и зубы животных. На плите ограды — изображения рогатых животных. — ММ (184, с. 242).

28. Ербинская. Ограда, 15×13 м, на ул. Степной на ст. Ербинская (Кызласов, 1973 г.). В ней 5 могил, ям и ящиков, 145-200×90-140×100 см. Покрываются жердями и плитами. В них по скелету. Инвентарь: 2 сосуда, острога. — МГУ (ИА, р-1, д. 5096, л. 4-11).

29. Усть-Бюрь. Ограда, 10×9 м, на ул. Степной на ст. Усть-Бюрь (Кызласов, 1972 г.). В ней 3 могилы: 2 ямы и ящик. Одна яма пустая, во второй — кости взрослого и подростка. В ящике скелет мужчины, 3. На плите антропоморфное изображение. Инвентарь: сосуд, каменные «луница» с отверстиями и нож, клык медведя, просверленные кости диких животных. Под камнями в оградке подвеска из зуба медведя, кости лошади, мелкого рогатого скота. — МГУ (171; ИА, р-1, д. 4962, л. 21-28).

30. Тиби́к. Ограда, 12×11 м, у устья р. Тиби́к (Леонтьев, 1968 г.). В ней 4 ямы: 2 большие, 220-210×160-120, и 2 детские, 110-90×80-50 см, глуб. до 105 см. В них обломки костей человека. Инвентарь: сосуд, обломок ножа, каменные бусины, 37 подвесок из костей животных (челюсти соболя, зубы сурка, марала, лося, кости косули, птиц), каменные диски. Кости коровы, овцы, козы. — ММ (180; ИА, р-1, д. 3739; ММ, оп. 1, д. 600).
31. Уйба́т. Ограда. 22×20 м, на прав. берегу р. Уйба́т, в 2 км к ЮЗ от ст. Уйба́т (Леонтьев, 1966 г.). В ней 7 больших ям, 160-320×95-230×80-100 см, покрытых деревом и камнем, и 2 детские (с подбоями), закрытые плитой. В ямах 1-3 скелета, скорчены на спине, на боку, на животе. Инвентарь: 3 сосуда, бронзовый игольник с иголкой, каменный шар, бисер, подвески из зубов марала и хищников, костяная пластинка. — ММ (ИА, р-1, д. 3352, л. 5-9; ММ, оп. 1, д. 548).
32. Уйба́т-Хулга́н. Ограда с ящиком и 2 ящика, впущенные в афанасьевский курган на лев. берегу р. Уйба́т (Кызласов, 1958 г.). Один скелет скорчен на боку. Инвентарь: 2 костяных игольника, кремневый отщеп, каменный шар, бусина, резцы грызуна. — МГУ (162).
33. Окуне́в. Могильник на лев. берегу р. Абака́н у улуса Окуне́в. 3 ограды. Раскопана одна (Теплоухов, 1928 г.). В ней 8 ящиков. 145-185×50-100×50-80 см. 11 погребённых, под головой одного — «подушка». Инвентарь: 3 сосуда, нож, шило, игольник, серьги, 2 клыка кабарги. — ГЭ (140).
34. Тас-Хаза́а. Ограда, 40×40 м, на прав. берегу р. Абака́н, близ улуса Чаптыков (Липский, 1957 г.). В ней 15 могил. Сведения есть о шести. Ямы, 100-170×50-140, глуб. 80-160 см, покрыты плитами и булыжником. На плитах — антропоморфные и зооморфные рисунки. Ямы расположены ярусами. Стенки одной, 200×160×95 см, сложены из булыжника. Она покрыта брёвнами и плитами. В ямах парные захоронения и парные с детьми, скорчены на спине и на боку. Инвентарь: 3 окуневских сосуда и курильница, 5 афанасьевских сосудов, колотушка, часть зернотёрки, бронзовый топорик, 3 ножа, 3 игольника, 4 иглы, 13 наконечников стрел, 5 каменных шаров. 70 стеатитовых колечек и около 250 бусин, 3 серьги и колечко, украшения из зубов сурка, лисицы, кабарги, 13 челюстей соболя, когтей медведя. Кости коровы, овцы. — АМ (ИА, р-1, д. 1476).
35. Большо́е Кольцо. 3 могилы в афанасьевской ограде, у истоков р. Камышта. 2 ямы, 120-200×70-110 см (Липский, 1959 г.). Стенки одной обставлены булыжником. В обеих найдены плиты с антропоморфными личинами. В ямах 1-2 скелета. Инвентарь: 2 окуневских сосуда, афанасьевский сосуд, курильница, кости овцы. Третья могила нарушила афанасьевскую (Максименков, 1974 г.). В ней кости двух скелетов. Инвентарь: обломок курильницы, бронзовый нож, игольник, шило в (39/40) кожаном футляре, серьга, клык медведя. — АМ, ЛОИА (ИА, р-1, д. 2119; д. 6326, л. 13-18; ЛОИА, ф. 35, оп. 1, 1974, д. 413-А).
36. Верхний Аски́з. Могила в афанасьевской ограде, на прав. берегу р. Аски́з (Липский, 1959 г.). Яма, 170×130×30 см, покрыта деревом. В ней скелет мужчины, 2 сосуда, нож, шар. — АМ (ИА, р-1, д. 2119, л. 8-27).
37. Аски́з. Ящик, 150×80×70 см, под насыпью тагарского кургана, на прав. берегу р. Аски́з, у устья (Липский, 1950 г.). В нём скелет мужчины, головой на «подушке», сосуд и курильница. — АМ (187).
38. Бельты́ры. Могила в афанасьевской ограде, у с. Бельты́ры (Липский, 1954 г., огр. 6). Яма, 200×100×130 см, покрыта брёвнами и плитами. В ней скелеты женщины и девочки. Инвентарь: 2 сосуда, бронзовый игольник с иглой, шило и «серп» с костяными ручками, костяные изображения 2 птичек. — АМ (ИА, р-1, д. 1362).
39. Есь. Могила под насыпью тагарского кургана, между р. Есь и Тёя, в 5 км к СВ от улуса Фёдоров (Липский, 1952 г.). Яма, 100×60×130 см, с подбоем. В ней кучка обожжённых костей подростка, угли, зола. Инвентарь: сосуд, курильница, 18 каменных колечек и бусина. — АМ (188).
40. Усчу́ль. Могила на прав. берегу р. Тёя, у с. Усчу́ль (Липский, 1946 г.). Ящик, 130×90×60 см. В нём скелет женщины, Ю. Под головой «подушка», на шее ожерелье из зубов животных, в ногах сосуд. — АМ (186).